

АКЦИЯ «НОВОЙ» ВЫ ИМЕЕТЕ ПРАВО ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ

1. Считаете ли вы необходимым выразить свою общественную позицию, если не согласны с тем или иным решением властей предержащих? Или достаточно просто заниматься своим делом?

— Прежде чем выразить общественную позицию, ее надо иметь. А это не так просто, поскольку решения властей предержащих довольно часто бывают неоднозначны, противоречивы, окутаны демагогией и популизмом. Огромное количество политтехнологов работают сегодня по заказу с одной целью — сделать так, чтобы общество не имело своей позиции, тогда этим обществом легче манипулировать.

Само по себе «несогласие» нам близко еще с советских времен. Вспомним «подписантов», масса которых удивила и расстроила КГБ. Однако становиться «временным диссидентом» было невозможно — лишишься работы, попадешь в психушку, загремишь в лагерь... Поэтому у нас выработалась практика так называемого тихого протеста, когда мы занимались своим делом, будучи абсолютно несогласными с системой. Система это терпела-терпела, а потом рухнула, поскольку мы не терпели систему.

Что касается меня лично, то я старался выразить свою общественную позицию прежде всего в своих спектаклях. Потому-то, наверное, их и закрывали в те годы один за другим все подряд... Сейчас лично я выражаю свое отношение ко всему точно так же, но если будет нужно, в кульминационный момент (когда все решается) и голос поддам, и на митинг пойду. Впрочем, думаю, я не один такой смелый...

2. Может ли голос творческой интеллигенции что-то изменить в сегодняшнем российском общественном климате?

— Сегодня этот голос крайне слаб, и потому рассчитывать, что интеллигенция в силах что-то изменить, не приходится. Наблюдается такая всеобщая усталость от политики, ставшей большой говорильней: вожди мельчают, «все тонет в фарисействе...». Старый аргумент «ну куда я поеду?.. все равно ничего не изменишь!» — сделался бытом, понизил интеллигенцию в разряд тусовки с фуршетом. Между прочим, за это придется отвечать...

3. Есть ли для вас в этой среде знаковые фигуры, к мнению которых вы прислушиваетесь или кого хотели бы услышать?

— Да, конечно. Их достаточно много — людей, к мнению которых я прислушиваюсь: это мои коллеги-режиссеры, некоторые блестящие журналисты, честные писатели... Есть даже с десяток ярких политиков, за поведением и выступлениями которых внимательно слежу. Но «властители дум», пожалуй, сегодня отсутствуют. Нет крупномасштабной личности на уровне Сахарова, и эту нишу, видимо, в ближайшие годы вряд ли кто заполнит...

Потому лично я предпочитаю общаться... с умершими. Они для меня знаковые — например, Булат Или — мама с папой. Я слышу их голоса, поверьте, очень отчетливо. И, что самое удивительное, их живое мнение о сегодняшнем дне совершенно совпадает с моим!...

4. Определяется ли личное благополучие художника степенью его лояльности к власти либо к корпоративным структурам? Можно ли быть благополучным оппозиционером?

— Неловко говорить о самом себе, но вопрос задан прямо — прямо и ответу.

К регалиям отношусь спокойно, без психоза. Так что власть заблуждается, думая, что меня можно этим купить. Я не продался и не продамся. Надеюсь! Мое «благополучие» заработано моим трудом и, поверьте, ничем больше. Поэтому я совершенно свободен внутренне, не собираюсь терять достоинства и не буду ничего кланяться для себя. Для театра еще смогу — но стиснув зубы и сгорая от стыда. Власть это тоже чувствует и держит меня на расстоянии. Я ей «чужой». Нескольким раз, правда, я ходил в Кремль по приглашению на всякие приемы. Но только потому, что мне было любопытно, кто и как там. Власть очень чутка к подхалимажам, считая, что это и есть «лояльность». Но опыт истории говорит, что подхалимы — первые предатели.

Оппозиционером же (настоящим!) становится лишь тот, кто ЗАБЫВАЕТ о своем благо-

получии и постоянно идет на риск его потерять. «Быть стойким заставляют времена», — сказано у Шекспира.

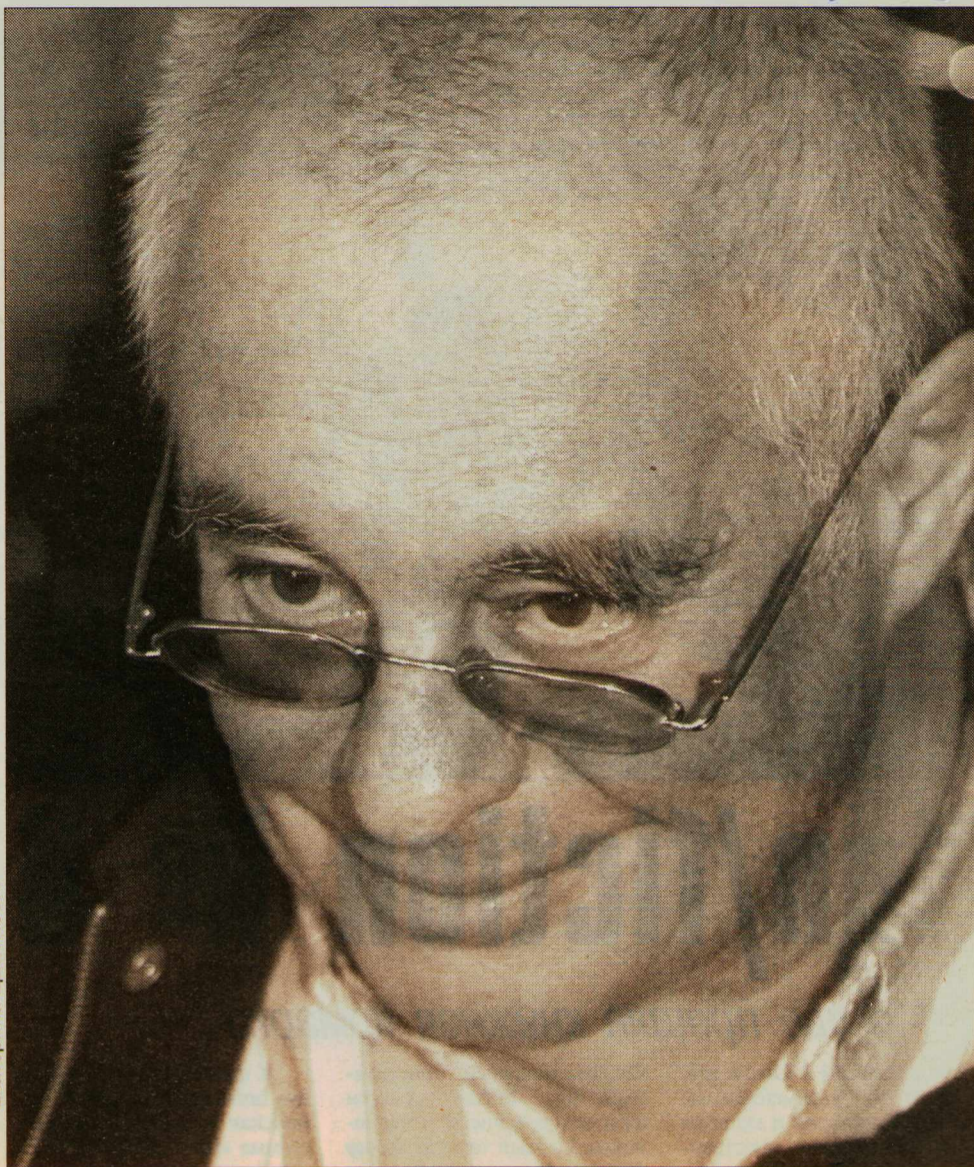
5. В советские времена в ходу было понятие «государственный заказ». Как он трансформировался сейчас и насколько такого рода «обслуживание» является для вас приемлемым?

— Я не откажусь от «государственного заказа», но при одном условии — полное отсутствие цензуры над моим исполнением. Театр из «сферы обслуживания» — не мой театр.

Однако могут возникнуть ситуации, когда нет ничего зазорного в том, чтобы воспользоваться целевыми государственными средствами. К примеру, сейчас близится 60-летие Побе-

**Марк
РОЗОВСКИЙ,
народный артист
России,
художественный
руководитель
Театра
«У Никитских
ворот»:**

Екатерина ЦВЕТКОВА

Стоит совесть беречь, а деньги тратить

ды. Если я хочу сделать честный спектакль о войне, а ставить не на что, то почему бы и нет?! На святое дело можно и взять. Тут никакого греха не будет. Лишь бы дали!...

6. Как соотносятся для вас понятия «материальное благополучие» и «совесть художника»?

— Свой успех следует «отголодать». Сегодня у нас множится невыстраданное искусство, то есть псевдоискусство. Когда у тебя много денег, совесть начинает почему-то мешать. Поэтому стоит совесть беречь, а деньги — тратить.

7. Можно ли считать укрепление властной вертикали новой российской идеологией? Видите ли вы в этом опасность для демократических ценностей?

— «Властная вертикаль» опасна прежде всего самой власти. Чем дальше власть от народа, тем больше шансов, что эта власть будет сметена. Внешнее смирение обманчиво. Народ — не быдло. Это только что доказала Украина. Без народодоступности и Россия опять окажется в тупике. «Властная вертикаль» — мечта хунты, но никак не общества. Которое не ценит своей свободы, покуда свободно, но очень взрывоопасно, когда демократические ценности меркнут или исчезают вовсе. Власть близорука: ей тупо кажется, что вся жизнь решается на командном пункте. Между тем судьба наша — в окопах.

8. Возможна ли такая ситуация, когда эзопов язык и «фига в кармане» снова станут инструментом в руках художника и способом общения с аудиторией?

— Эзопов язык — это язык образов, рождающих ассоциации. На этом языке Искусство говорило и будет говорить всегда. Что касается «фиги в кармане» — это удел сатириков-юмористов,

творящих в системе, когда все запрещено и ничего нельзя. Эта система сегодня возрождается. Правда, постепенно — ползучим способом.

9. Есть ли сходство в нынешнем отношении государства к культуре с его отношением в советские времена?

— Есть. Такое же, как между ситуациями: раньше сильный бил слабого, теперь богатый бьет бедного.

10. В чем сегодня миссия культуры и насколько вы ощущаете необходимость лично вашего «миссионерства»?

— Своего «миссионерства» начисто не ощущаю — я же не идиот, возмнивший себя сумасшедшим. Я просто делаю свое дело. Поскольку оно театральное, моя «миссия» (может быть, совпадающая в этом с «миссией культуры») состоит в том, чтобы люди почаще ходили в Театр «У Никитских ворот». Получая в нем поток свободы и ощущение того, что правда еще есть.

Вне программы

— Вы не боитесь грядущей театральной реформы?

— Угроза, безусловно, существует. Во-первых, она в нечистоплотности, которая уже возникла, — имею в виду то, что готовится реформа за нашей спиной, без участия специалистов театрального дела. Объяснение простое — налицо определенный цинизм и нежелание ощутить сопротивление предлагаемым изменениям. Думается, что нас совершенно сознательно подталкивают к пропасту. Удар, во-вторых, очень рассчитанный, потому что идет по двум линиям: открытое экономическое

удушение и скрытый политический подтекст. Попечительские советы, которые предлагаются театрам в качестве руководящего органа (опять же без участия художников — это уже прописано, значит — продумано и не случайно), будут представлять собой некий вид цензуры. Вполне вероятно, что этот совет выразит свое несогласие с тем, к примеру, что мы собираемся поставить Достоевского, — по каким-то своим основаниям. И предложит нечто более, на их взгляд, интересное и нужное — ту же французскую бульварную пьесу.

С гражданственных позиций, которыми всегда был силен русский театр, нас попросту спихивают. План, содержащий в себе потенциальное преступление перед нашей историей и культурой, как я его понимаю, такой. Через полтора-два года жизни по новому «уложению о разрушении» (реформой это даже не назывешь) великая система театра-дома, театра-гнезда, театра-ансамбля, которая складывалась в нашем отечестве в течение многих десятилетий, окажется под угрозой исчезновения.

Новые взаимоотношения с властными структурами, казначейством, попечительскими советами приведут к неизбежным и бесконечным конфликтам. Если этот попечительский совет попытается мне что-то диктовать, с порога пошлю его на три буквы. Я в своей жизни наелся подобных ситуаций. И в прежние времена не молчал, и уж тем более сейчас мириться не собираюсь.

Театры, и без того с трудом выживающие в современных условиях, опять же неизбежно окажутся на грани разорения, какие-то и вовсе обанкротятся. Следовательно, здания отойдут кому? Вот этим самым попечительским советам и структурам, которые «заботились о благополучии» опекаемых ими театров. В результате появятся еще несколько сотен новых ресторанов и казино. Так что вариантов всего два: или театр исчезнет, или реформа провалится.

● Ведущий рубрики **Владимир МОЗГОВОЙ**

«Свой успех надо
отголодать»